

НЕНУЖНАЯ...

Я мешала всем и всегда, я была ненужной...

Только два человека в этом мире действительно любили и любят меня — Уильям и Гарри. И я люблю только их двоих.

Восторг и приветствия огромных толп, которые собираются посмотреть на меня, — это не любовь, вернее, любовь, но не ко мне самой. Люди любят созданный образ принцессы, которая была Золушкой, и не хотят замечать, что бывшая Золушка несчастна.

Из всего сонма окружающих меня родственников и знакомых меня любят только мои мальчики, причем именно меня, со всеми моими недостатками и достоинствами, просто за то, что я их мама. И я люблю их потому, что они мои сыновья, а не потому, что принцы.

Очень надеюсь, что у них будут жены, которые будут любить просто их, Уильяма и Гарри, а не принцев — наследников короны.

Я часто предчувствовала беду до того, как случилось что-то дурное, могла напророчить чью-то болезнь или даже гибель. Иногда этого побаивались.

Принцесса Диана

Теперь я не чувствую, я ЗНАЮ. Бывает такое, когда нет никаких предпосылок, все почти спокойно, а ты точно знаешь, что сейчас, вот в следующую минуту, произойдет что-то страшное...

Так я знаю, что совсем скоро гибель. У моей машины откажут тормоза, и я получу смертельную травму. Если и выживу, то больше не смогу быть действительно живой, потому что существование под аппаратами на медицинской кровати не для меня.

Чарльз часто спрашивал меня, чего мне не хватает? Действительно, чего мне не хватает для счастья? Постепенно размышления вылились в попытки осмыслить, как можно быть несчастной, имея все — двоих прекрасных сыновей, семью, причем королевскую, всеобщее восхищение, здоровье и весьма привлекательную внешность.

ТРАГЕДИЯ ДЕТСТВА

Наша семья была самой обыкновенной семьей, близкой к королевскому двору. Эту близость обеспечили принадлежность отца к роду Спенсеров и дружба бабушки Рут Фермой с королевой-матерью. Рут Фермой дружила со старшей Элизабет еще тогда, когда никто не предполагал, что та станет королевой, а потому никто не мог заподозрить мою бабушку в низкопоклонничестве.

Все Спенсеры своенравны, а все Фермой строптивы и властны. О моей маме Фрэнсис говорят, что, когда она пристально смотрит своими синими глазами, кажется, будто она больше королева, чем сама королева. Да, из мамочки вышла бы куда лучшая супруга принца, чем я. Будь она на моем месте, Камилла отправилась бы куда-нибудь в Австралию или вообще на Южный полюс уже через пару дней, а не отравляла жизнь столько лет.

Хотя ее собственная мать, наша бабушка Рут Фермой, от неверности мужа претерпела немало. Бабушка была всегда уверена в правильности своих поступков и мысли не допускала о возможности ошибки. Мне бы ее уверен-

ность! Брак бабушки по сути был кошмаром, но она жила на себе дедушку по расчету и жила, прекрасно зная о побочных связях и даже детях своего супруга.

Возможно, поэтому бабушка была крайне возмущена и маминим, и моим поведением. Подумаешь, муж неверен и имеет многолетнюю любовницу! Разве это причина, чтобы страдать булимией, ревновать и тем более разводиться?! В конце концов, можешь поплакать в подушку, но так, чтобы даже горничная не догадалась, а уж за пределами собственной спальни об этом вообще никто ничего не должен знать!

Я сделала все наоборот — вынесла свои страдания на суд общественности, рассказав о неверности царственного супруга, и этим совершенно испортила отношения с бабушкой. Ничего другого ожидать было нельзя, потому что задолго до этого она также вычеркнула из своей жизни мою маму, свою обожаемую дочь Фрэнсис, когда та посмела уйти от мужа к любимому человеку.

Я тоже осуждала маму, сейчас мы с ней в ссоре по другому поводу, но осуждала за то, что она бросила меня. Бабушка же выступила против собственной дочери даже в суде, когда определяли, кто должен опекать детей. При этом бабушку меньше всего волновали чувства детей, для нее было главным, что Фрэнсис, для которой она устроила столь блестящий брак, посмела его разорвать!

Бабушка действительно устроила сначала роман между моими родителями, а потом и их свадьбу. Ей было неважно, что маме всего пятнадцать, что она еще школьница, что у папы тогда была другая, почти невеста. Она решила заполучить для дочери самого завидного к тому времени жениха — Джона Спенсера, который должен со временем стать восьмым графом Спенсером, она его заполучила.

Папа был влюблен в маму по-настоящему, несмотря на ее молодость и разницу в их возрасте в двенадцать лет. Когда маме исполнилось семнадцать, они наконец смогли пожениться. О... это была поистине королевская свадьба, конечно, не такая, как у меня, но бабушка всегда умела блеснуть.

Я больше похожа на маму моего отца, леди Синтию, и внешне, и во многом характером. Леди Синтия была удивительно доброй и обожала заботиться о других, ее часто видели в семьях Нортгемптоншира с помощью и утешениями. Но она и слова не могла сказать против дедушки — графа Спенсера. Дедушку Джека боялись мы все, и папа тоже. Мама не очень, но жить в его огромном Элторпе с его 120 комнатами и суровыми условиями, без нормального отопления не хотела. Мама говорила, что чувствует себя там так, словно нечаянно осталась в музее, который закрыли на выходной. Именно поэтому мы перебрались к бабушке Рут Фермой в Парк-Хаус в королевском поместье в Сандрингэме. А сама бабушка окончательно переехала в Кларенс-Хаус к своей подруге — королеве-матери Элизабет. Их многолетняя дружба казалась нерушимой. Она таковой и была.

Сначала родители были счастливы, как могут быть счастливы молодые люди, у которых есть любовь, семья, родилась первая дочь и имелись средства на пусть и не королевское, но вполне сносное существование.

Я иногда думала: неужели именно долгое отсутствие сына так испортило их отношения? Когда, будучи уже совсем взрослой, узнала, что отец заставлял маму пройти обследование, чтобы выяснить, может ли она вообще рожать сыновей, не сразу поверила. Но потом, когда мой Гарри родился совершенно рыжим (а он как две капли

воды похож на мою сестру Сару) и Чарльз засомневался в своем отцовстве, я поверила, что такой поступок мужа возможен.

Мама родила Сару, нашу рыжую красавицу, крестной матерью которой стала сама королева-мать.

Потом родилась Джейн — умница и отличница, ее крестным отцом стал герцог Кентский.

Потом родился Джон, и это стало сначала радостью, но тут же горем. Джон умер почти сразу. Мама рассказывала, что была в ужасе, потому что ребенка унесли, а ее саму заперли и не выпускали, пока Джона не похоронили. Потом была неудачная беременность, а потом на свет появилась я.

Отец позже мог говорить все что угодно, но в момент рождения я оказалась для него полнейшим разочарованием. Едва родившись, я была никому не нужна. Снова девчонка! 1 июля 1961 года в семье Спенсеров не стало праздником, они даже не могли целую неделю выбрать мне имя, и никаких звездных крестных у меня не было тоже.

Вот тогда папа и заставил маму пройти обследование.

Через три года родился наш братик Чарльз, его крестной была сама королева Елизавета II, но отношения родителей это уже не спасло. Мама, подарив роду наследника, видно, посчитала свою миссию выполненной, а себя свободной.

До развода родителей у нас было счастливое детство, огромный парк Сандрингэма, достаточно удобный Парк Хаус, обожаемые родители, готовые делать для нас все, постоянные праздники... Даже няни были добрыми и веселыми, во всяком случае, мне так казалось. Я очень любила и маму, и папу. Разве можно было предположить, что они когда-то станут делить нас?!

Гром грянул среди ясного неба: мама влюбилась! У меня очень красивая мама, длинные ноги у меня от нее, только она рыжая, как Сара, и очень уверенная в себе. Сара в нее характером, но моя сестра тоже очень красивая.

Начались родительские скандалы. Папа при всех делал вид, что они хорошая семейная пара, а когда гостей не было, родители страшно кричали друг на друга, хлопали дверьми. Сара умней, она уходила в свою комнату и включала погромче музыку, а я, наоборот, подходила к самой двери их спальни и пыталась подслушать, что же не так.

Почему они ссорятся, ведь за день не случилось ничего страшного? В пять лет я не понимала, в чем именно родители обвиняли друг дружку, но где-то в голове это засело. Позже Чарльз удивлялся тому, что я устраивала скандалы с криком и хлопанием дверьми. Для королевской семьи это было немислимо, там голоса не повышали, а я просто не представляла, что можно ссориться иначе!

Я страшно боялась, чтобы папа не ударил маму, потому, стоило им повыситься друг на друга голос, оказывалась тут как тут, но появляться на виду не решалась, просто стояла за дверью, постоянно ожидая чего-то страшного.

А потом они развелись совсем...

Мы виделись с мамой только по выходным, для этого нужно было проехать немалый путь с няней, потом видеть слезы мамы и слышать ее причитания, что завтра детей заберут обратно...

Эти воскресные встречи только озлобляли меня. Конечно, в свои шесть лет я ничего не понимала, кроме того, что мама нас бросила.

Сара была почти взрослой, ей исполнилось тринадцать, за ней тянулась отличница Джейн, они уже учились и чувствовали себя почти самостоятельными, за

лихватски рассказывали о выпивках и разных школьных проказах, вернее, рассказывала Сара, а Джейн только кивала. Казалось, развод родителей их почти не задел, они не желали ездить к маме в ее новый дом. Конечно, это только казалось, но старшие сестры хотя бы понимали, что именно происходило, а мы с братом нет.

Брат Чарльз был еще совсем мал, а я пыталась разобраться, но не понимала одного: как могла мама нас бросить?! Она уехала в Лондон, обещая вернуться, и не вернулась. Позже я узнала, что маму не пустили в дом, когда она приезжала нас проведать, но тогда это было настоящим горем — мама нас бросила!

Сара фыркала, что я дура, потому что развела слезы, мол, нужно не плакать, а сделать свой выбор. Но я не могла делать выбор между мамой и папой.

Ну почему нужно выбирать между мамой и папой?! Я не хотела выбирать, я любила обоих одинаково сильно и хотела жить с обоими!

Они сначала разводятся и делят нас, словно столовое серебро, а потом требуют, чтобы мы были счастливы. Я не могла быть счастлива. Однажды к празднику они прислали мне каждый по платью — белое и зеленое, и я вместо того, чтобы радоваться, рыдала и даже не хотела никуда идти, потому что оба наряда были красивыми и мне нравились, но выбрать один означало отвергнуть другой, а я не хотела никого отвергать!

Разве можно в таких условиях не вырасти строптивой? Знаю, у многих родители развелись, но не у всех так тяжело и позорно, к тому же не всех заставляли жестоко выбирать и не всем потом приводили в дом таких мачех, какой была Рейн.

Однажды я умудрилась отказаться от чаепития... с королевой! Отцу прислали приглашение на чай в коро-

левскую резиденцию в Сандрингэм, причем именно со мной. Что заставило меня вдруг заявить, что не пойду, не знаю сама.

— Нет, у меня болит голова!

— Дач?! Тебя королева каждый вечер приглашает попить чайку? К Ее Величеству и с мигренью можно пойти.

— Не пойду!

Ни переубедить, ни заставить отцу не удалось, он был вынужден отправить Ее Величеству извинения, объясняя отказ моей болезнью.

Потом я пожалела, но тогда главным было настоять на своем.

Сара о выходке отозвалась коротко:

— Дач просто дура!

Бабушка не просто заняла сторону отца, но и выступила против собственной дочери, осудив маму публично. Так мы получили еще один урок: положение при королевском дворе важнее даже любви к собственной дочери, ведь бабушка поступила так, прежде всего чтобы сохранить дружбу королевы-матери.

Если бы мама нас выкрала или хотя бы попыталась сделать это, я бы ее простила, но мама сразу после развода вышла замуж за своего любовника Питера Шенда Кида. Даже если это была горячая любовь, дети не виноваты.

Мы остались с папой и хорошо видели, как он изменился. Особенно это чувствовала я. Сара и Джейн были уже достаточно взрослыми и учились далеко, а мы с Чарльзом пока оставались рядом с папой. Он стал нелюдимым, грустным, словно, уехав, мама забрала из него жизненные силы. Я не могла не пытаться утешить папу, мне так хотелось вернуться в те времена, когда в Парк-Хаусе устраивали счастливые праздники в дни рождения!

О, наши праздники помнили в графстве, весь парк Сандрингэма превращался в настоящий детский рай!

Но все это закончилось... Иногда я думала, что и детство закончилось тогда же.

Мама со своим Питером уехали на остров Сейл на западе Шотландии. Конечно, ни мы туда, ни мама оттуда ездить каждые выходные не могли.

Мне было восемь, когда мы остались только с отцом, няни не в счет, с ними я воевала так, словно это они виноваты в уходе мамы. Мы Спенсеры, но как же нам было одиноко! Конечно, папа отвозил нас с Чарльзом в школу и забирал обратно, он старался зайти в детскую, чтобы пожелать спокойной ночи, интересовался нашими делами, но папа — это не мама. Ели мы всегда только в детской с няней, беседы вели с ней или друг с другом... Чарльз, видно, чувствовал одиночество еще сильнее меня, а потому часто плакал и всегда жался ко мне, словно ища защиты. Я заботилась о нем как могла, ведь Чарльз не получил даже той любви мамы и папы, которая досталась нам, он был слишком мал, чтобы что-то понимать, когда они разводились.

Нянь я просто выживала. Все говорили, что я упрямая, строптивая, иногда просто невыносима. Они ничего не понимали! Чаще всего я упрямылась не из-за того, что была действительно упряма, а потому, что меня не замечали!

Да, да, и пусть говорят что угодно. Потом порасскажут, что это не так, что я была у отца любимица и он многое готов сделать для меня... Да, назло всем я сказала, что хочу на день рождения живого верблюда, и когда праздновали мой седьмой день рождения, отец раздобыл настоящего верблюда. Ох и посмеялись мы тогда! Но все

равно, верблюд — это признак родительской любви? Нет, я была им не нужна!

Лучше бы они сохранили семью, чем приводили верблюдов.

Мне всегда нравилось танцевать, ах, как мне это нравилось! Так хотелось выйти на сцену в роли Одетты-Одиллии в «Лебедином озере». Обожаю Чайковского, особенно этот балет. Я даже выучила его переложение на клавири и с удовольствием играла перед домашними.

Но какая из меня балерина? Я высокая, толстая и ленивая... Возможно, не будь я такой неуклюжей пышкой в детстве, займись серьезно балетом, во мне бы воспитали упорство, трудолюбие, уверенность... Но этого не случилось, танцы танцами, а в балет не взяли совсем.

А еще я любила плавание и прыжки в воду. Вода — это чудесно, в воде я чувствовала себя уверенно, в плавание нужна сила и стремление вперед, чего у меня вполне хватало. В воде я ловкая, легкая, не то что на суше, где нужно следить за осанкой, за тем, чтобы не косолапить или не загребать ногами.

Постепенно я научилась быть красивой и на суше, но вот сутулость осталась. Нелегко не сутулиться, если все вокруг хоть немного, но ниже тебя, высокий рост хорош, когда ты среди высоких людей.

Куда хуже обстояли дела со всякой зубрежкой, а вернее, экзаменами. Я совершенно не понимала, зачем мне все это знать. А если мне неинтересно или я не понимаю, зачем это нужно, могу зубрить сколько угодно, никакого толка не будет, все равно к экзамену все вылетит из головы. Я не понимала и того, почему все переживают из-за несданного предмета. Не сдала? Ну и что, разве я от этого стала хуже или просто другой?

После экзамена я могла спокойно рассказать все то, что была не в состоянии ответить перед преподавателями. Мне просто не казалось это важным. Сара сдала шесть экзаменов, а наша отличница Джейн и вовсе одиннадцать, я ни одного даже после второй попытки. И это им пригодилось? Ничуть. Все, что нужно узнать, они узнали сами. И я так же.

Если мне было интересно или действительно нужно, я легко выучивала большие тексты за короткий срок. Это не касается речей, так и не научилась подолгу и легко их произносить, больше чем на десяток минут меня никогда не хватало. Но стоило уйти с трибуны, и я могла разговаривать с людьми на любые темы.

Когда мы отправлялись в новую страну, я, которая ничего не знала из географии или истории (в этом не вина преподавателей, они старались вложить нужные знания), спокойно прочитывала большой текст и легко его запоминала. Но стоило закончиться визиту, как этот же текст легко исчезал из моей памяти, словно влажной губкой стирали написанное на доске. Так уж устроена моя память, она цепкая и крепкая, но недолгая и не желает подчиняться правилам. Чарльза временами это приводило в ужас или в ярость.

Мне было четырнадцать, когда положение нашей семьи вдруг изменилось: отец стал восьмым графом Спенсером, а мы соответственно леди Сара, леди Джейн и леди Диана. Я — леди Диана Спенсер!

И наш родовый замок — огромный Элторп. Конечно, в нем оказалось не все так здорово, то есть было помпезно и страшно неудобно, но ведь это родовое поместье. Я ходила по залам, приседала в реверансе перед каждой кар-

тиной, важно поворачивала голову налево и направо, милостиво кивала, словно разрешая что-то своим пажам...

Какая девочка не мечтает стать принцессой в таком возрасте? Хотя, думаю, Сара не мечтала, она всегда знала, чего хочет, и смотрела на меня свысока.

Но тогда у нас еще был отец, хотя няни менялись то и дело. Просто они были противные, я воевала с этими тетками и одну за другой выживала из Элторпа. Зачем нам няни? Может, маленькому Чарльзу и были нужны, но не мне же! В школе мне постоянно указывали, что делать, и на каникулах чужая тетка тоже норовила заставить поступать по-своему.

На меня глядя, капризничал и Чарльз. Одна из нянь хватала нас с братом за шиворот и... била лбами друг о дружку! Но я тоже расправлялась с ними: закрывала в ванной, выкидывала в окно их вещи... Нам не нужны няни, нам нужна мама.

Лучше бы я этого не говорила! Я понимаю, что не мои слова повлияли на отца, он принял решение сам.

Мы только освоились в Элторпе, когда отец решил жениться. Это было просто невыносимо. У нас будет мачеха?! Хотелось крикнуть:

— Нет!

И все же я бы промолчала, если бы не Сара. Старшая сестра была уверена в себе, к тому же ей уже исполнился двадцать один год и она жила собственной взрослой жизнью. Она с первых минут знакомства дала понять будущей мачехе, что терпеть ее не может.

Самое удивительное — нашей мачехой оказалась Рейн Легги, дочь моей обожаемой писательницы Барбары Картленд. Насколько я любила романы Картленд,

настолько же ненавидела ее дочь. Мы ненавидели Рейн потому, что она хотела отобрать у нас папу!

Мало того, эта дама попыталась сразу продемонстрировать свое особое положение, она настолько по-хозяйски вела себя с нами, что Сара не выдержала и нагрубила. Я поддержала.

Нас можно понять, Саре был двадцать второй год, мне пятнадцатый, а нам как детям предлагали миндальный торт с обещанием дать еще кусок тому, кто съест больше. Как она это представляла: мы должны, как на глупых соревнованиях, влезть с головами в тарелки, поглощая свои куски в сумасшедшем темпе? А потом с восторженными вымазанными физиономиями требовать еще кусок? Глупее ничего не придумать! Конечно, мы не стали соревноваться. Если я захочу миндальный торт, я просто попрошу мне его испечь или купить.

Сара нагрубила, я поддержала, в результате за столом остались только папа, наш смущенный брат Чарльз и эта дама. Я вдруг поняла, что она просто отберет у нас папу. Саре, может, это не столь важно, как и Джейн с Чарльзом, а для меня очень серьезно. Я папина дочка, но теперь он принадлежал не мне, а ей. Могла ли я любить эту даму?

Позже стало еще хуже, потому что в июле 1976 года, ни слова не сказав нам, отец женился на этой мегере! И узнали мы об этом... из газет! Мало того, в нашем семейном замке в Элторпе состоялся бал на тысячу приглашенных. Знаете, кого не было на этом балу? Детей графа Спенсера – Сары, Джейн, Дианы и Чарльза! Кто мы такие, чтобы нас звать на такое важное мероприятие?

Я знаю, что Сара заявила журналистам, мол, там не было ничего важного, чтобы нас приглашать. Но я знаю и то, как была возмущена, шокирована сестра. Я вообще

проревела целый день. Отец женился, не просто не спросив нас, нравится ли нам эта мегера в качестве мачехи, но и вообще не поставив в известность, даже не пригласив на свадьбу! Интересно, чего они ожидали в ответ? Ответом могла быть только ненависть! Разве можно любить ту, которая подло забрала у тебя любимого отца, так пренебрежительно отнеслась к тебе, словно ты вещь в кладовой, которую можно задвинуть подальше и забыть.

Рейн ненавидели мы все. А отцу я даже дала пощечину!

Мало того, эта мерзавка начала хозяйничать у нас в Элторпе, словно у себя на кухне, она принялась распродавать фамильные вещи Спенсеров, будто это было ее старое барахло. Даже сейчас, через много лет, меня трясет при воспоминании, что эта мерзавка натворила с Элторпом!

Конечно, она спасла отцу жизнь, когда у того случилось сначала обширное кровоизлияние в мозг, а потом синегнойная инфекция. Но это все потому, что понимала, что с ней будет, если муж умрет. Тогда отец выжил, однако эта мерзавка с первых лет полностью оградила его от нас. У нас не было матери, потому что мама предпочла другого мужчину отцу и других детей собственным (у ее второго супруга было трое детей), теперь у нас не было и отца, который тоже предпочел чужих троих детей этой Рейн своим собственным. У нас никого не было! Могли ли мы любить эту женщину? Ничуть, мы ее ненавидели!

Даже сейчас, когда мои с ней отношения стали куда более спокойными и мы даже нашли общий язык, стоит вспомнить первые годы — обиды из-за свадьбы, отчуждения отца, наглого хозяйничанья в Элторпе и разбазаривания фамильных ценностей — и меня захлестывает даже не обида, а ненависть! Очень трудно простить, когда у тебя отнимают любимого отца и унижают на каждом

шагу. Я стала мудрее, но внутри все равно сидит эта всепоглощающая обида, которая никогда не закончится, боль, которая никогда не утихнет.

Мой брат Чарльз все время молчал, но оказалось, что он переживал не меньше, во всяком случае, сразу после смерти отца, став девятым графом Спенсером, он буквально вышвырнул мачеху из Элторпа! Я с удовольствием помогала. Мы запретили ей выносить любую вещь, если она не куплена лично ею, а все ее личные вещи засунули в мешки для мусора и выкинули вниз с лестницы. Я лично проследила, чтобы в нашем семейном замке не осталось никаких следов пребывания этой женщины и ее мерзких отпрысков. Когда через несколько месяцев в каком-то углу обнаружилась книга, забытая кем-то из ее детей, я буквально растерзала несчастный предмет, чтобы сжечь его в камине!

Такой ненависти, как к ней, я не испытывала ни к кому, даже к Камилле. Эта женщина отняла у меня отца тогда, когда он был мне больше всего нужен, она отняла у меня понятие дома, потому что считать домом Элторп, где хозяйничала эта тетка, я не могла. В результате в пятнадцать лет у меня не было ничего — ни семьи, ни дома, ни любви родных...

До учебы ли мне было и могла ли я быть послушной и хорошей девочкой? Они сначала ломают судьбы детям, а потом удивляются, что те растут строптивыми и нервными.

В моих резких сменах настроения, приступах булимии и неспособности к усидчивой учебе виноваты мои родители и эта женщина! В шесть лет почувствовать себя брошенной матерью, в пятнадцать преданной отцом и затем выкинутой из дома чужой женщиной и остаться спокойной и уравновешенной едва ли возможно.

Булимия — ужасная вещь. Сейчас уже не секрет, что я ею страдала. Это когда вас мучает неудержимый голод и вы за один прием поглощаете столько, сколько в обычном состоянии могли бы съесть за неделю, а потом организм отторгает все поглощенное. Булимия — болезнь не желудка, а нервов, у тех, кто живет спокойно и уверен в себе, такого не бывает. Это болезнь ненужности, переживаний, заброшенности. И пусть вокруг меня крутилось множество людей, пусть я никогда не бывала одна — сначала девочки в школе, потом слуги, камеры видеонаблюдения, фотокорреспонденты, охрана, — все равно это было одиночество, я понимала, что никому не нужна! И никто, никто не станет страдать, если я вдруг умру!

Наверное, у всех детей бывают такие моменты, мои подружки тоже обливали слезами подушки, если родители не приезжали подолгу или забывали их поздравить с каким-то праздником, но если такое отчаянье надолго, оно становится болезненным. А потом перерастает в сильнейшую потребность, чтобы тебя любили и постоянно говорили об этом.

В такой потребности, наверное, одна из причин нашего с Чарльзом непонимания. Если бы муж хоть раз в день говорил мне, что он меня любит, а не отделялся даже нарочно выбранными подарками по какому-то поводу, если бы мы говорили об этом в королевской семье, я бы просто расцвела. Но в королевской семье просто не принято выражать чувства, тем более без особой надобности.

Особенно трудно, если мама вас бросила, ты была папиной дочкой, а папа женился, даже не поставив тебя в известность! Разве можно простить такую узурпаторшу?

Нашу мачеху называли Леди, Которая Умеет Добиваться Своего. Она действительно умела, вопреки вос-

питанию, вопреки немыслимому давлению своей матери Барбары Картленд, вопреки всему. Ее девиз: «Совершать невозможное!» Она не только умела добиваться, чего хотела, прежде всего она знала, чего хочет! И потому совершенно не могла понять меня, считая размазней.

Сейчас я думаю, что если бы она тогда нашла со мной общий язык либо я не поддавалась бы давлению Сары и не стала воевать с мачехой, я выросла бы совсем другой, и многих проблем моей жизни удалось бы избежать. Рейн умела очаровывать тех, кого желала очаровать, умела найти подход, найти точки соприкосновения. Например, Рейн просто влюбила в себя нашего дедушку — старого графа Спенсера, возила ему шоколад, разыскивала для коллекции уникальные трости... Но главное — она искренне интересовалась историей Элторпа.

Я не могла допустить и мысли о том, что когда-либо помирюсь с Рейн! Мы столько лет почти враждовали... Что же произошло? Однажды Мохаммед Аль-Файед, который был дружен с моим отцом, обратил мое внимание, что за все время только Рейн не наговорила журналистам обо мне ничего дурного, а ведь могла бы... Конечно, я посмеялась:

— Просто ее не спрашивали!

— Не думаю. Просто она не желает зла ни тебе, ни отцу. И твоего отца искренне любила, даже если от этого вам было плохо. Но ведь не Рейн развела ваших родителей...

Конечно, я не сразу приняла слова Мохаммеда, не хватало еще мне восхищаться Рейн или благодарить ее за приличное поведение! Пусть она не разводила маму с папой, но самого папу она у меня отняла!

А потом Аль-Файед все же сделал так, чтобы мы встретились.

И при упоминании о папе я увидела в глазах у Рейн настоящие слезы. Когда он перенес инфаркт, а потом синегнойную инфекцию, именно Рейн сумела добиться, чтобы применили лекарство, еще не прошедшее испытания. Другого шанса не было, и она сумела заставить использовать один-единственный.

Папа выжил и даже смог отвести меня к алтарю, но мачеха не услышала от нас и слова благодарности. Тогда мы с Сарой были убеждены, кажется, даже в том, что саму синегнойную инфекцию папе подсунула Рейн!

Теперь, подумав, я поняла, что Рейн действительно не воспользовалась возможностью заработать на воспоминаниях о моем детстве, а ведь могла бы наговорить репортерам уйму всяких гадостей о моем поведении.

А вот я, рассказывая Мортону о нашей семье, наговорила о Рейн немало гадостей. В общем-то было за что, Элторп она испортила основательно и основательно же разбазарила. Но Рейн в ответ не сказала обо мне никому и ничего.

Мне бы поучиться у нее тогда, в Элторпе, но я ее ненавидела. Все мы, дети Джона Спенсера, Рейн ненавидели.

Человек меняется, возможно, я когда-нибудь стану мудрее и на многое и многих посмотрю иначе, но для этого должно пройти время. Понять — значит наполовину простить. Я уже смогла понять Рейн, неужели я когда-нибудь смогу понять и Камиллу? Ну уж нет! НИКОГДА!

НЕВЕСТА ПРИНЦА

Сара встречалась с принцем Чарльзом. Ах, как же я завидовала сестре!

Старшая сестра всегда отличалась завидной самоуверенностью, способностью схватывать нужное на лету и поддерживать разговор о чем угодно. Она лучше нас с Джейн и Чарльзом сознавала, что такое Спенсеры, и умела пользоваться именем. У Сары был роман с Джеральдом Гросвенором, пожалуй, самым богатым наследником, который ее почему-то вдруг бросил. Сара считала, что из-за женитьбы отца на Рейн, что не добавляло ей любви к Рейн.

Сара очень переживала, у нее даже начались проблемы с едой. Только если я позже ела все подряд и в огромных количествах, то сестра, наоборот, перестала есть совсем и стала тощей как спичка.

Не знаю, что с ней было бы, не появись принц Чарльз. О... это было совершенно невыносимо, Сара снова на высоте! Рассталась с самым богатым наследником Англии,

зато получила самого завидного. Чарльз умный, спортивный, вежливый, сдержанный, но главное — он принц! Никакие Гросвеноры не могли годиться ему в подметки уже из-за одного этого. У Сары всегда и все было лучше всех, она молодец.

Кому я все это пишу? Сама себе рассказываю о себе? Я научена печальным опытом общения с прессой и с Мортонем, когда сказанное вдруг выглядит совсем не так, как написанное. А написанное на листе бумаги, в книге вдруг приобретает совершенно иной смысл.

Кому? Уильяму и Гарри я могу рассказать сама, да они многое и так знают.

Внукам! Да, когда-то и у моих мальчиков будут дети, а значит, у меня — внуки. Я постаралась, чтобы жизнь моих детей не была похожа на мою собственную и чтобы при разводе, раз уж он неизбежен, они пострадали как можно меньше. Постараюсь внушить им свои мысли и о воспитании их собственных детей. Наступит момент, когда я смогу дать наставления невесткам или вообще внучкам, и, клянусь, я ни за что не стану подталкивать их к браку, напротив, честно расскажу обо всех своих ошибках. Или отдам почитать вот эти записи.

Интересно посмотреть лет через двадцать пять — тридцать на то, что пишется сейчас, наверняка многое будет видеться иначе, ведь иначе выглядит многое, что произошло всего десять лет назад... Опыт бесценен не только тем, что благодаря ему мы узнаем что-то новое, но и тем, что заставляет пересмотреть свое прошлое. Если бы это еще и ограждало от ошибок будущего!

Сейчас смешно думать о внуках, я считаю себя способной еще рожать детей и надеюсь на это. Но время летит

так быстро, этого не замечаешь, когда тебе пять или пятнадцать, а вот когда вырастешь... Бабушка говорила, что с годами время летит все быстрее. Поэтому надо поторопиться.

Первая встреча с Чарльзом лично у меня состоялась благодаря сестре. В Ноуботтлском лесу возле Элторпа состоялась охота на лис. Одним из приглашенных был принц Чарльз как приятель Сары. Узнав об этом, я сделала все, чтобы отпроситься из школы и тоже присутствовать в это время в Элторпе. Если бы меня не отпустили, я бы все равно сбежала. Сидеть в школе, когда в нашем имении принц?! Нет, это невозможно.

Принц был таким грустным... Может, мне, конечно, показалось, потому что потом Чарльз не помнил своей грусти. А может, ему было просто скучно рядом с моей сестрой? Наверняка. Иначе он не попросил бы меня показать ему картинную галерею Элторпа. Сара разозлилась и почти не дала нам ничего посмотреть. Это даже хорошо, потому что я не сумела бы ничего путного рассказать об изображенных персонажах, во-первых, потому, что слишком волновалась, во-вторых, потому, что просто почти ничего не знала. Но Сара хороша: она просто вешалась на шею Чарльзу, и этим только оттолкнула его. Наверное, я привлекла принца своей молодостью рядом с сестрой.

Время пролетело так быстро, буквально промелькнуло. В школу я вернулась на крыльях, рассказывая всем и каждой, что познакомилась с принцем! Но тут подоспели экзамены, до них ли мне было, если в голове царил принц Чарльз, и только он. Боясь на любой вопрос ответить именно так: «Принц Чарльз!», я вообще молчала и благополучно провалила все до единого экзамена. Какая ерунда эти экзамены, я не придавала им никакого значения.

В апреле следующего года наша Джейн вышла замуж за Роберта Феллоуза. Роберт, конечно, хороший человек, он симпатичный парень, но мои мозги были заняты только одним человеком на свете — принцем Чарльзом. Это своего рода помешательство определило и мое поведение, я всем только улыбалась, но от молодых людей почти шарахалась, потому что берегла себя для принца.

Уверенности в своем блестящем будущем непременно с принцем мне добавляло то, что шли месяцы, а наследник престола жениться не торопился. Внутри приятно млела мысль, что он просто ждет меня. В романах Барбары Картленд так и бывало.

Я обожала романы Барбары Картленд! Мне очень нравились ее героини — застенчивые, обаятельные, не обладавшие напористым характером, но все обязательно замечали их неповторимость и душевные качества. Особенно это касалось прекрасных принцев, которые с первого взгляда понимали, что смущенно улыбающаяся девушка лучше, что они могут встретить в жизни.

Я даже научилась улыбаться так же — чуть склонив голову к плечу, немного опустив ее, чтобы взгляд слегка исподлобья получался более загадочным. Смущалась я по-настоящему, в этом не было игры. Но оценивать меня почему-то не спешили, и прекрасные принцы тоже. Но я твердо верила, что оценят!

У Роберта Феллоуза имелось одно неоспоримое преимущество перед всеми остальными молодыми людьми — он был помощником личного секретаря королевы. Я была одной из трех подружек невесты и умудрилась попасть на глаза королеве-матери, когда подошла к своей бабушке леди Фермой, которая была ее придворной дамой и подругой. Королева-мать внимательно оглядела меня, поинтересовалась, сколько мне лет, почему-то

благосклонно кивнула, услышав, что скоро семнадцать, и попросила позвать отца.

Папа не рассказывал мне, о чем они говорили, но подозреваю, что две бабушки уже прикидывали возможность нашего более близкого знакомства с принцем Чарльзом.

Во всяком случае, на бал по поводу тридцатилетия принца меня пригласили, как и Сару. Мою сестру это вовсе не обрадовало, зато я готова была порхать от счастья.

Принц был великолепен, он танцевал всю ночь, причем не только и даже не столько с Сарой. Я тоже танцевала, и немало, но ни разу с принцем, он меня не замечал! Потом, стоя наверху в картинной галерее, я наблюдала за Чарльзом. Он веселился и без меня, кружа то одну, то другую партнершу. Чаще всего это была веселая блондинка, не стеснявшаяся откровенно хохотать. Помню, тогда еще подумала: вот бы мне так! Как она может столь непринужденно держаться в обществе принца, я просто язык проглотила бы...

В такой момент я вдруг заметила свою сестру, пристально наблюдающую за этой парой. Сара вовсе не выглядела довольной излишним вниманием принца Чарльза к этой раскованной блондинке. Я не знала, что передо мной будущая соперница Камилла, тогда еще Шенд, которая позже стала Паркер-Боулз, многолетняя любовница Чарльза. Да, тогда они жили вместе уже лет восемь... Хороший стаж, чтобы либо жениться, либо прикипеть друг к другу навсегда.

Когда после бала я попыталась спросить у сестры, кто эта девушка, та лишь огрызнулась:

— А еще хотели, чтобы я вышла за него замуж!

К тому времени отношения Сары и Чарльза уже ни к чему их не обязывали, моя сестра умудрилась расстроить саму возможность брака с принцем, неосторожно выбол-

тав всякую всячину журналистам. В порыве откровенности она наговорила лишнее и о себе, и об отношениях с Чарльзом, после чего продолжение отношений стало просто невыносимым. Конечно, Сара не винила в этом себя, зато обвиняла любовницу принца.

Сара не рассказывала мне, что даже тогда, когда их отношения считались весьма перспективными, то есть мою сестру воспринимали самой серьезной претенденткой на сердце и звание супруги Чарльза, тот не ставил ее ни в грош. Принц мог на вечеринку прийти с одной красавицей, а уйти с другой. Так однажды он поступил и с Сарой, пригласив ее на вечеринку и протанцевав весь вечер с какой-то колумбийкой, а потом взялся отвезти ее в Лондон, не смущаясь тем, что вообще-то приехал с Сарой и именно ее должен доставить обратно. Саре пришлось скрипеть зубами от злости, пока они подвозили новую пассию Чарльза, при этом принц даже не нашел нужным поинтересоваться, согласна ли Сара совершить такой «круг почета» из-за его желания услужить колумбийке.

Принц бывал не слишком вежлив со всеми своими подружками: когда у тебя их много, к чему обращать внимание на переживания очередной?

На меня Чарльз не обратил никакого внимания, думаю, что не обратил бы и дальше, если бы его не заставили.

Любимый дядюшка принца лорд Маунтбэттен, научивший Чарльза многому, чему вовсе не следовало бы учить, старательно подталкивал племянника к женитьбе на своей внучке Аманде Нэтчбулл. Все сходилось на том, что принц должен жениться на красавице Аманде. Никто не ожидал, что девушка откажет. Помню, Сара фыркнула:

— Правильно сделала!

Я не могла понять почему?!

— Да у него многолетняя любовница!

Я все равно не понимала: любовница до свадьбы, а когда женится, принесет клятву у алтаря, все закончится.

Сара посмеялась над моей наивностью, но, думаю, ей и в голову не пришло, что когда-нибудь принц Чарльз может сделать предложение мне, ведь я была самой незаметной, самой глупой, самой никчемной. Таких не выбирают в будущие королевы!

Наверное, если бы Сара ожидала такого поворота событий, она бы поговорила со мной серьезней. Но меня никто не воспринимал всерьез, кажется, даже сам Чарльз. Кем я была для него? Только удобной девушкой для выполнения долга перед Британией. При чем здесь его личные чувства и прежние привязанности?

Чарльзу на меня указала его бабушка, королева-мать. А ей наверняка помогла моя бабушка, бывшая у королевы-матери фрейлиной и задушевной подругой. Две бабушки постарались, чтобы я получала приглашения всюду, где только бывал принц Чарльз. Похвальное старание, тем более оно привело-таки к тому, что принц меня заметил.

Представьте себе состояние девушки, не имевшей даже парня для романтических встреч в надежде, что таковым обязательно станет именно принц, которая этого принца, причем настоящего, сына королевы Великобритании, встретила. И принц ею заинтересовался!

Сказать, что я была потрясена, значит ничего не сказать! Принц Чарльз разглядел во мне ту самую принцессу, какой я себя всегда представляла!

Боже, ради него я готова была на все! Позже оказалось, что я не готова к его изменам, но это было позже,

а тогда... Можно поставить тысячу, миллион восклицательных знаков, описывая мое состояние.

От постоянных обмороков меня спасало только то, что я не вполне верила в реальность происходящего.

Я много лет твердила всем, что я особенная, что выйду замуж за принца (подружки даже смеялись, выбирая мне принцев из самых крошечных и малоизвестных стран). И вдруг получила в будущем мужья самого-самого главного принца в мире! Британская монархия самая сильная, а Чарльз самый завидный принц на свете. И вдруг это сватовство достается мне!

Конечно, до сватовства было еще далековато, но если уж я попала в поле зрения принца и он меня заметил, то как не поверить в собственную мечту стать женой принца? Чарльзу немало лет, и он не женат, хотя вокруг столько уверенных в себе красавиц. Это могло означать только одно: он тоже чувствовал предопределенность нашей встречи и потому не разменивался. Он не мог не чувствовать, что где-то есть будущая принцесса для него, что мы обязательно встретимся и обязательно полюбим друг друга!

Казалось, что достаточно просто встретиться — и все решится само собой.

Я, наивная дурочка, полагала, что Чарльз, хорошенько меня разглядев, влюбился. Или по крайней мере откликнулся на мое чувство.

А меня просто выбирали, как очередную лошадь для конюшни!

«Лошадка» подходила — была крепка, здорова, родовита и, что очень важно, девственна. Это надо умудриться — сохранить девственность почти до двадцати лет! Никому не приходило в голову, что я всерьез собиралась замуж за принца. Заручившись при помощи бабушки —

леди Фермой, что взбрыкивания вроде Сарино не будет, решили действовать.

Экзамен на знания устраивать не стали: кому нужна умная принцесса, обладающая солидным запасом знаний, умеет пользоваться столовыми приборами — и достаточно. В остальном я подходила, главное — блестела на Чарльза глазами и с трудом дышала от счастья.

Я действительно влюбилась. Чарльз мог иметь какую угодно внешность, быть вообще мне по плечо, заикаться, хромать или скакать на одной ноге, я бы все равно в него влюбилась! Он был принцем из сказки, тем самым, который с первого взгляда увидел в Золушке с веником и в фартучке будущую принцессу. Я не могла не влюбиться...

Когда Чарльз уже ухаживал за мной, я еще продолжала работать няней у Робертсонов. Мэри, относившаяся ко мне весьма доброжелательно, пару раз осторожно заводила разговор по поводу моих отношений с принцем, но вовсе не пытаясь что-то выведать. Вернее, Мэри выведывала, но не для себя, а скорее для меня самой. Она пыталась навести меня на размышления о том, что же я люблю в Чарльзе и люблю ли его самого. Мэри осторожно намекала, что принц может оказаться несколько не таким, каким видится в грезах, что не мешает присмотреться к нему поближе.

Мэри, пожалуй, была самой толковой моей советчицей, как жаль, что я ничего не слушала, вернее, из вежливости слушала, но не слышала. Я жила в мире грез, в мире героев романов, и у меня самой в жизни все тоже складывалось согласно законам жанра. Принц встретил почти юную, привлекательную, почти бедную девушку и влюбился.

По законам жанра следовала свадьба. Неужели у меня будет свадьба с наследником престола?! Боже мой, от

одной мысли об этом голова шла кругом, и я почти теряла сознание!

Меня все чаще приглашали туда, где бывал Чарльз, и хотя он далеко не всегда вообще обращал на меня внимание, я придумала себе, что принц так испытывает свои и мои чувства.

Большую глупость придумать было трудно, потому что «проводивший испытания» Чарльз всюду танцевал со своими любовницами, прошлыми и нынешней — Камиллой, а я, его тайная любовь (надо же в такое поверить!), маялась, глядя на это со стороны.

Но за дело взялись бабушки — его и моя. Если чего-то желает королева-мать, она этого добивается или просто получает. Элизабет-старшая и Рут Фермой — дамы весьма активные и решительные. На всяких вечеринках в Лондоне Чарльза отвлекают другие вертихвостки? Значит, Диану надо пригласить туда, где не будет никаких танцев, зато появится возможность побыть наедине. Не может быть, чтобы принц в таких условиях не обратил внимание на красивую, молодую и влюбленную в него девушку.

Решено — сделано, меня пригласили в королевскую резиденцию Балморал! Там ежегодно проводятся соревнования, придуманные шотландцами еще в древности. Рослые, сильные мужчины поднимают огромные бревна, быстро-быстро несут их и подбрасывают так, чтобы бревно, сделав кувырок, упало как можно дальше. Это называется Бремарскими играми. За состязаниями следят прекрасные дамы, обычно бывает и королева с ее гостями.

Меня пригласили на Бремарские игры! Это означало, что я хотя бы неделю пробуду в Балморале в королевском обществе. Туда приглашались только старинные приятели и те, кто был очень нужен.

Я наивно полагала, что в Балморале, на природе можно пожить в свое удовольствие с бесконечными пикниками (мы же видели со стороны, что члены королевской семьи часто отправляются на пикники), сельскими развлечениями, мало подвергаясь разным ограничениям, особенно ритуалу. На всякий случай я взяла с собой всего одно вечернее платье, да у меня и не было десятка, во всяком случае, подходивших для королевского приема не было.

Мой чемодан был довольно скромнен, к тому же я просто полагала, что сумею съездить в ближайшие магазины и что-то купить в случае необходимости. Мэри с сомнением качала головой, но я только отмахивалась. Сама возможность побывать сначала на королевской яхте «Британия», а потом в замке Балморал превращала жизнь в сказку, и я не собиралась разрушать ее грубыми размышлениями о том, сколько и каких платьев брать.

Моя голова была забита другим. Я приехала всего на три дня и за это короткое время просто обязана была очаровать всех присутствующих, от королевы до ее своры собак корги. Это очень трудная задача, потому что у принца Чарльза гостили друзья, привыкшие к определенному стилю общения, а потому мне следовало как можно лучше заранее изучить пристрастия этих самых друзей, ведь очаровать принца еще полдела, нужно очаровать и его подсказчиков. У Чарльза было слишком много девушек, чтобы даже понравившаяся закрепились рядом с ним навсегда против воли его приятелей и приятельниц. Принц из тех, кто слушает бабушку, маму, папу и друзей.

Я готова была очаровывать и корги. Вообще-то я к собакам почти равнодушна. Больше люблю хомяков, морских свинок, всех тех, кого можно взять на руки и

прижать к себе. Но в Балморале, если бы разрешили, собственноручно таскала бы в обнимку и всю свору корги. Не пришлось, меня не заставили (или не доверили) возиться с корги, этим занимались слуги. Баррелл твердил, что голосистую свору выгуливал он, я такого не помню, но это не важно.

Я в Балморале в качестве гостыи в королевском семействе! В замок ездили только те, кого изволили пригласить члены королевской семьи.

Я бывала в Балморале, но не как его гостыя, а как член семьи помощника секретаря Ее Величества, причем весьма любопытный член. Моя сестра Джейн была супругой того самого помощника секретаря. И все же в замок нас никто не пускал, мы жили в коттедже для гостей и старательно не попадались на глаза обитателям самого замка: там это не принято.

Но одно дело смотреть на королевскую семью со стороны и совсем другое – оказаться внутри ее! В Балморале не менее строгий распорядок, чем в Букингемском дворце, королева просто не умеет жить вне жесткого распорядка дня: как все вещи должны лежать на своих местах, так и происходить все по минутам.

С другой стороны, это понятно, потому что без конца сталкиваться в коридорах огромного замка, рискуя оказаться в дурацком положении, тоже неприятно. Был и свой дресс-код, вернее, есть. Он не изменится, пока будет существовать монархия. В Балморале женщинам категорически запрещено носить брюки, спортивно можно одеваться, только собравшись на охоту или рыбалку, а на ужин обязательно являться в вечернем наряде.

Вот теперь я была в ужасе, потому что вечернее платье всего одно, а отправиться в магазин, даже ближайший

(в котором, конечно, ничего подобного не имелось), означало на целый день выпасть из жизни поместья. Спасло меня только то, что вся неделя, которую я там пробыла, оказалась очень теплой, вместо вечерних ужинов у нас были посиделки в летнем домике, где длинные вечерние платья не нужны. Даже погода помогала мне!

Я старалась заразить весельем всех, в конце концов, даже гулять с принцем по болотам или подолгу стоять в ледяной воде, пытаясь закинуть удочку, лучше, чем чинно сидеть на скучных ужинах, с замиранием сердца ожидая обращения к себе кого-то из королевской семьи и смущенно соглашаться:

— Да, Ваше Королевское Величество... Да, Ваше Королевское Высочество...

Там, на берегу реки Ди (однажды я даже попыталась убедить принца, что реку назвали в мою честь! Он с удовольствием смеялся над такой глупостью) Чарльз был не столько принцем, сколько обычным человеком, которого очаровать много легче. Пытаясь научить меня правильно выбирать наживку, надевать ее и забрасывать удочку, он хохотал вместе со мной просто оттого, что я страшно боялась брать мух в руки, мне было жаль их прокалывать, а потом, когда клевало, я вопила с таким восторгом, что, по словам принца, распугивала всю рыбу в округе.

Я резвилась, как настоящая школьница, отправившаяся в скаутский поход. Провалиться по колено в болото? Так даже забавней! Какая прелесть эта вымазанная грязью хохочущая Диана! Не правда ли, она очаровательна?

— Ваше Королевское Высочество, позвольте я вам помогу?

Принц Филипп с удовольствием соглашался, и мы вместе жарили бифштексы для королевы и гостей.

— Нет, нет, сидите, я соберу посуду, мне нетрудно...

Мне действительно нетрудно быстро собрать посуду после пикника, к тому же я самая молодая из собравшихся. Это нравилось всем, мне активно помогали, но проявленная готовность услужить приводила общество в восторг. Королева заметила, что я воспитанная девушка.

Я очень старательно соблюдала все правила Балморала, даже считая многие дурацкими, если чего-то не знала, обращалась за помощью, смущенно объясняя, что не знаю, как принято именно здесь. Это тоже очень нравилось. Я постоянно обращалась за помощью то к членам королевской семьи, то к приятелям или приятельницам Чарльза, даже к слугам. Знаю, что ничто не обезоруживает так, как обращение «помогите мне, пожалуйста, я здесь впервые...». Это одновременно и просьба о помощи, после которой некрасиво не помочь и можно простить какую-то оплошность, во-вторых, намек на то, что в первый, но не последний, значит, просто отмахиваться не стоит, мало ли что.

Но больше всего мне нравилось быть с Чарльзом! На любой вечеринке он мог запросто уйти танцевать не с той, которую привез, и даже уехать с другой; здесь, стоило уйти на берег Ди, он был только со мной.

Я быстро оценила разницу между охотой и рыбалкой. Охотница из меня плохая, для этого нужно хорошо держаться в седле, уметь стрелять, даже если охота на куропаток, все равно каждый сам по себе. Там нельзя попросить помочь, объяснить, никто во время охоты не станет советовать, как лучше подкрасться, всему надо учиться заранее.

Совсем другое дело рыбалка. У Чарльза так ловко получалось закидывать удочку! Мне казалось, что вся рыба косяками собирается к месту, где мы стояли по колено в ледяной воде, только чтобы попасть на крючок именно принцу.

— О, Чарльз, у меня самой так никогда не получится!

Не называть же его Вашим Королевским Высочеством, если мы только что препарировали большую муху, надевая ее на крючок, и он охватывал мои плечи, помогая правильно размахнуться удилищем?

Это было здорово! Принц учил меня ловить форель! С супругом королевы мы жарили бифштексы! Ее Величество принимала из моих рук чашку с горячим чаем, сидя на складном стульчике на пикнике!

— У Дианы уже неплохо получается забрасывать удочку...

— О нет! Разве можно научиться делать это так, как вы, сэр?! Если мне что-то и удастся, то только с вашей помощью! А я так неуклюжа...

Я смущалась, Чарльз обещал, что у меня все получится, все были в восторге. Надо мной посмеивались из-за моего откровенного обожания и восхищения принцем.

— Вас послушать, так лучше моего сына рыбака нет!

— Да, Ваше Королевское Высочество, для меня нет.

Меня опекали, как школьницу, прощали мелкие оплошности и учили, как не только стрелять или забрасывать удочку, но и как вести себя в более официальной обстановке. Я чувствовала, что понравилась. Конечно, мы бывали с принцем даже наедине, но все это в пределах приличий, если объятья, то только когда забрасывалась удочка, если лишнее прикосновение, то только привалившись от хохота к его плечу... Нет, нет, что вы, я не подружка на вечер. Да, я влюблена в принца, очарована им, но это не значит, что я доступна.

Дальше приглашения следовали одно за другим. Меня позвали в Биркхолл. Королева-мать лично внесла мое имя в список приглашенных! Теперь предстояло не ударить в грязь лицом перед бабушкой Чарльза.